

На этот раз, из-за дня рождения императора, Драгоценная наложница Сяо, опасаясь неприятностей и беспокоясь о безопасности Чжао Моцзянь, позволила ей вернуться во дворец. Чжао Цзянь, зная, что это редкая возможность, сразу же отправилась в Двор Облачной Дымки, хотя была и другая причина...

Но как только она пришла, то увидела Фу Яньцин, погружённую в раздумья. Выражение её лица было сложным для восьмилетней Чжао Цзянь, но оно вызывало в ней чувство глубокой печали. Она знала, что Фу Яньцин несчастна, даже скорбит.

Иногда она задавалась вопросом, почему Фу Яньцин так отличается от других детей, которых она видела. Она знала, что Фу Яньцин старше её, но её поведение и манера разговора не были похожи на Чжао Моцзянь или других старших принцев. Её тон и выражение лица не соответствовали их возрасту.

Когда-то тётюшка Му часто говорила, что она слишком взрослая для своего возраста, но по сравнению с Фу Яньцин она была настоящим ребёнком.

Фу Яньцин посмотрела ей в глаза, но не ответила, лишь с лёгкой улыбкой спросила:

— Вернулась?

С этими словами она протянула руку и втянула Чжао Цзянь внутрь. Войдя, она естественно осмотрела её. Девочка снова подросла, но стала худее, и её некогда бледное лицо теперь слегка загорело.

Затем, словно вспомнив что-то, она подняла бровь и направилась к ящичку с мазями:

— Разденься и ложись на кровать.

Её голос был по-прежнему спокоен, но не лишён тепла. Просто её эмоции были истощены, ведь ей приходилось постоянно притворяться перед Чжао Моцзянь и её матерью. Лишь с Чжао Цзянь она могла быть собой.

Чжао Цзянь слегка смутилась, но лишь на мгновение, после чего послушно разделась, оставшись в одной рубашке.

Нанеся мазь, Фу Яньцин почувствовала жалость. Восьмилетний ребёнок, постоянно получающий травмы, мог подорвать своё здоровье. Поправив её одежду, она тихо спросила:

— Только что вернулась, почему не отдыхаешь?

Лицо Чжао Цзянь слегка покраснело, уши стали розовыми, и она торопливо начала одеваться, что выглядело довольно мило.

— Я не видела тебя месяц. — В её голосе звучала нотка обиды.

— Правда? Мне кажется, ты больше соскучилась по пирожным «Уточка-неразлучницы». — Фу Яньцин, видя её реакцию, не удержалась от шутки, уголки её губ слегка приподнялись, и она провела пальцем по уголку рта Чжао Цзянь, убрав крошку.

Теперь лицо Чжао Цзянь действительно покраснело, и она энергично вытерла рот:

— Нет, я съела только одно. — Сказав это, она полезла в карман и достала маленький пакетик.

— Вот, я специально взяла несколько штук из кухни, попробуешь?

Фу Яньцин сделала серьёзное лицо:

— Я говорила, что не люблю сладкое.

Чжао Цзыянь наклонила голову, глядя на Фу Яньцин, её глаза светились смехом:

— Я помню, ты не любишь сладкое, особенно пирожные «Уточки-неразлучницы», в следующий раз я не буду так делать.

Слыша её намеренное подчёркивание, Фу Яньцин поняла, что она знает, как она любит эти пирожные. Видимо, эта малышка не только ночью, но и днём тайком приходила сюда.

Смущённо посмотрев на Чжао Цзыянь, Фу Яньцин кашлянула и протянула ей книгу, которую она переписала на уроке:

— Садись, сегодня я расскажу тебе несколько глав из «Учения о середине».

Чжао Цзыянь никогда не училась официально, всё, что она знала, она узнавала, подслушивая, как Чжао Моцзянь читает, или пробираясь в Академию Хунвэнь, чтобы послушать лекции. Её знания были хаотичными и поверхностными, поэтому Фу Яньцин учила её, когда она приходила.

Снаружи, по просьбе Фу Яньцин, никто не дежурил, но они всё равно были осторожны. Фу Яньцин читала ей тихим голосом, и эта близость для Чжао Цзыянь, которая с детства не знала ласки, была особенно дорога. Её взгляд невольно останавливался на Фу Яньцин. Фу Яньцин была на два года старше, её кожа была белой, а глаза живыми. В сочетании с душой двадцатилетней женщины, она излучала невыразимую уверенность и спокойствие, что вызывало доверие. Её серьёзное и спокойное выражение лица приводило Чжао Цзыянь в восторг.

Заметив, что она отвлеклась, Фу Яньцин постучала ей по голове:

— О чём задумалась?

Чжао Цзыянь очнулась и, сжав пальцы, вдруг задала вопрос, который её давно мучил:

— Ты называешь её Ацзянь.

Фу Яньцин на мгновение замерла, но потом поняла, о чём она говорит, и мягко спросила:

— И что?

Чжао Цзыянь запинаясь сказала:

— Ты... ты называешь её Ацзянь, я... я давно с тобой общаюсь, а ты не называешь меня так ласково.

Фу Яньцин не ожидала, что она будет обращать на это внимание, и в её глазах появилась нежность:

— Тогда как ты хочешь, чтобы я тебя называла? Циань недостаточно ласково, тогда, может, Ань?

— Нет.

— Хорошо, тогда Аньэр?

Голос Фу Яньцин всегда был мягким, но сейчас, понизив его, она произнесла «Аньэр» с особой нежностью, словно лаская. Это вызвало у Чжао Цзыянь бурю радости, и, хотя она старалась сохранить достоинство, её лицо покраснело от возбуждения.

Решив эту проблему, Чжао Цзыянь наконец сосредоточилась. Она была умной и быстро схватывала, прослушав текст один раз, она могла повторить его слово в слово, что вызывало восхищение Фу Яньцин. Учить послушного и способного ученика для Фу Яньцин не было скучным.

Закончив две главы, Фу Яньцин, боясь утомить её, велела ей идти домой.

Наблюдая, как Чжао Цзыянь уходит, Фу Яньцин посмотрела на пирожные на столе и невольно улыбнулась.

С тех пор, как она начала учиться в Академии Хунвэнь вместе с Чжао Моцзянь, жизнь Фу Яньцин стала более занятой. Учёба для членов императорской семьи никогда не была лёгкой. Каждый день, помимо лекций, они должны были участвовать в дискуссиях. Великая Ся была основана силой оружия, но управлялась с помощью культуры, поэтому верховая езда и боевые искусства также были обязательны. Поскольку основателем династии была женщина, Великая Ся была более открытой, чем соседние страны, что давало принцам и принцессам равные права на престол, поэтому в учёбе не было различий.

Фу Яньцин прошла через всё это в прошлой жизни, и, хотя её тело было моложе, её навыки остались. Перед многочисленными членами императорской семьи она не стремилась выделяться, но и не скрывала свои способности. Ведь она знала, что только её умеренные успехи могли привлечь внимание Чжао Моцзянь.

Как бы трудно ни было, дни шли своим чередом.

Четыре года спустя

Семнадцатый год Цзинтай, седьмой день одиннадцатого месяца, и день рождения императора снова наступил. Фу Яньцин провела уже пятый год во дворце после своего возвращения в прошлое. С её отношениями с Чжао Моцзянь и её матерью, ставшими всё более близкими, её контакты с девочкой, которую она называла Аньэр, стали реже, но для обеих они стали чем-то особенным.

В этот раз весь дворец был занят подготовкой к празднованию дня рождения императора. Поскольку императрица не была назначена уже тринадцать лет, самая высокая должность во дворце принадлежала Драгоценной наложнице Сяо, поэтому она отвечала за все приготовления, и у неё не было времени следить за Фу Яньцин и Чжао Цзыянь.

Императору уже исполнилось сорок лет, но он так и не назначил наследника. Чиновники настаивали на том, чтобы он выбрал наследника для стабильности государства.

Хотя император не высказал своего мнения, он уже задумывался об этом. Однако, поскольку большинство его детей были ещё молоды, за исключением первого, второго и четвёртого принцев, остальные ещё не достигли совершеннолетия. Первый принц, отличавшийся добротой и уважением, был любимцем императора, но из-за инцидента с Драгоценной наложницей Шэнь

и князем Дай он больше не рассматривался как кандидат.

Те, кто был заинтересован, уже узнали от императора, что на этом праздновании он планирует оценить поведение своих детей.

Драгоценная наложница Сяо не хотела упустить эту возможность и велела Чжао Моцзянь тщательно подготовить подарок, что дало Фу Яньцин некоторую свободу.

В прошлой жизни празднование прошло не очень хорошо, потому что после банкета кто-то использовал артистов, приглашённых из-за пределов дворца, чтобы проникнуть внутрь и совершить покушение. Тогда император избежал смерти, но единственный сын правителя Северной Лян, Цзюйцюй Янь, был убит.

<http://bllate.org/book/16696/1533188>